

ПРЕЦЕДЕНТЫ НЕЧЁТКОЙ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ПЕРВИЧНОСТЬЮ И ВТОРИЧНОСТЬЮ В ТЕКСТЕ АВТОПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ТЕКСТАХ АВТОПЕРЕВОДОВ В. В. НАБОКОВА)

Ю.А. Дымант (Воронеж, Россия)

В статье рассматривается проблема соотношения свойств первичности и вторичности в тексте автоперевода. На примере реализации конативной функции в текстах автопереводов В. В. Набокова показано, что довольно часто во вторичных текстах наблюдаются случаи проявления нечёткой границы между первичностью и вторичностью, когда в результате модификаций, вызванных сменой кода и адресата и необходимостью компенсировать различия в фоновых знаниях адресатов, в тексте автоперевода происходит расширение или сужение референтного пространства и меняется набор языковых функций.

Ключевые слова: *первичные и вторичные тексты, автоперевод, функции языка, конативная функция, модель Р. О. Якобсона, В. В. Набоков*

FUZZY BOUNDARY BETWEEN PRIMARY AND SECONDARY TEXT FEATURES IN SELF- TRANSLATION (ANALYSIS OF CONATIVE FUNCTION IN THE TEXTS OF VLADIMIR NABOKOV'S SELF-TRANSLATIONS)

Y. Dymant (Voronezh, Russia)

The paper reviews the problem of proportion of primary and secondary features in the text of self-translation. Analysis of the conative function in Vladimir Nabokov's self-translations demonstrated that a fuzzy boundary between primary and secondary text features in self-translation is observed when the author changes the content of the text in order to compensate for the cultural differences and eliminate barriers in understanding. Thus, the author can omit excessive information, or add necessary explanations. As a result, the conative function either appears or disappears in the text of self-translation.

Keywords: *self-translation, primary and secondary texts, V.Nabokov, language functions*

Вопрос о характере отношений между текстом оригинала и текстом перевода был и остаётся одной из основных проблем переводоведения. В отечественной и зарубежной теории перевода они традиционно рассматриваются как отношения между первичным и вторичным текстом. Оригинал представляет собой первичный текст, а перевод является текстом вторичным, так как хронологически следует за оригиналом, создаётся на его основе и обязан ему своим существованием [Нестерова, 2005]. При этом отличительная характеристика перевода как вторичного текста состоит в том, что он является заменой оригинала в другой культуре и должен передавать его содержательные, структурные и стилистические особенности, то есть полностью ему соответствовать [Швейцер, 1988, Латышев 2000]. Такие отношения предусматриваются нормативными требованиями, однако на практике нередки случаи, когда текст перевода, в частности художественного, невозможно однозначно отнести ни к категории вторичных, так как в нём наблюдается довольно большое число первичных элементов, отсутствующих в оригинале, ни к категории первичных, поскольку текст перевода по определению всё же является вторичным. В такой ситуации представляется возможным говорить о парадоксе границы (в терминологии В. Б. Кашкина), то есть о проницаемости и подвижности границ между первичностью и вторичностью [Кашкин, 2010].

В рамках такого подхода особенного внимания, на наш взгляд, заслуживают тексты автопереводов, так как они представляют собой наиболее яркий пример проявления парадокса границы. Противоречивость данного явления заключается в том, что, на первый взгляд, автоперевод должен быть текстом абсолютно вторичным, так как в большинстве случаев появление первичных элементов в тексте художественного перевода обусловлено фактором переводчика и герменевтическим искажением исходного текста. В ситуации же автоперевода барьер понимания между автором и переводчиком отсутствует. Однако даже если исключается герменевтическое искажение, то фактор языка и необходимость трансформировать текст и адаптировать его под другую культуру остаются. К выводу о невозможности создания «такого же» текста на другом языке и для другого адресата приходили многие писатели, занимавшиеся автопереводом своих произведений. Соответственно возникает и проблема квалификации подобного текста: как вторичного, зависящего от оригинала, или же как вполне самостоятельного, существующего независимо от исходного текста. Нам представляется возможным говорить о том, что автоперевод представляет собой диалектическое единство первичного и вторичного текстов.

Чтобы доказать это, мы проанализировали соотношение свойств первичности и вторичности в текстах автопереводов русско-американского писателя и переводчика В. В. Набокова. В частности, материалом для анализа послужили три версии автобиографии писателя: англоязычный оригинал «Conclusive Evidence», его автоперевод на русский язык «Другие берега» и доработанная английская версия «Speak, Memory». Необходимо подчеркнуть, что «Speak, Memory» представляет собой синтез первых двух версий, так как включает полный текст «Conclusive Evidence» и фрагменты текста, появившиеся в «Других берегах», уже в авторском переводе на английский язык.

В рамках нашего исследования формальным критерием для квалификации текстовых элементов как первичных или вторичных являются функции языка, так как, в соответствии с коммуникативно-функциональной парадигмой, основная цель перевода состоит в том, чтобы сохранить коммуникативные функции оригинала [Егер, 1978]. Следовательно, набор функций языка, реализующийся в тексте перевода должен совпадать с таковым в тексте оригинала. В основу исследования положена классическая функциональная модель Р.О. Якобсона, что позволило соотнести элементы первичности и вторичности в тексте автоперевода с изменяющимися компонентами коммуникативной ситуации [Якобсон, 1975]. Проанализировав коммуникативную ситуацию создания текстов оригинала и автопереводов, а также набор реализуемых в этих текстах языковых функций, мы пришли к выводу, что модификации, вызванные сменой адресата и кода, свидетельствуют о вторичности, в то время как модификации, обусловленные фактором адресанта, указывают на свойства первичности [Дымант, 2016]. Дальнейший анализ материала показал, что довольно часто во вторичных текстах появляются модификации, которые невозможно отнести ни к проявлениям абсолютной первичности, ни к проявлениям вторичности, так как смена адресата и кода сопровождается появлением в тексте автоперевода первичных элементов, которые реализуют набор функций, отличный от функций текста оригинала. Объясняется данное явление тем, что у автора, самостоятельно выполняющего перевод, свободы гораздо больше, чем у «обычного» переводчика в классической ситуации перевода. Ориентируясь на другого адресата, как представителя другой лингвокультуры, автор не только «перекодирует» текст, но и вносит в него существенные изменения, в результате которых меняется набор языковых функций.

Ярким примером нечёткой границы между первичным и вторичным в автопереводе являются случаи модификации текста, связанные с реализацией конативной функции. Подобные модификации в текстах В. В. Набокова вызваны сменой кода и адресата и необходимостью компенсировать различия в фоновых знаниях адресатов, и заключаются в том, что в тексте автоперевода происходит расширение или сужение референтного пространства. Автор опускает излишнюю, по его мнению, для новой аудитории информацию и вводит значимую и необходимую. В результате такого рода модификаций конативная функция либо реализуется только в русскоязычной версии, либо утрачивается в процессе автоперевода и реализуется только в англоязычных текстах. Безусловно, характер реализации конативной функции зависит от кода и адресата, однако изменение набора языковых функций указывает на то, что наблюдаемые в тексте модификации невозможно объяснить исключительно действиями переводчика, так как они появляются под воздействием фактора адресанта и возможны только в ситуации автоперевода. В рассмотренных нами текстах реализация конативной функции связана со следующими модификациями: 1) опущение избыточной для новой аудитории детализации культурно-исторической обстановки; 2) введение дополнительных элементов культурно-исторического контекста; 3) введение в текст автоперевода аллюзий и отсылок к русской литературе.

Так, в приведённом ниже примере в английских версиях В. В. Набоков детально описывает ситуацию, в то время как в русской прибегает к обобщению, что ведёт к изменению набора языковых функций в тексте.

<p><i>Lenski had been born in poverty and liked to recall that between graduating from the Gymnasium of his native town, on the Black Sea, and being admitted to the University of St. Petersburg he had supported himself by ornamenting stones from the shingled shore with bright seascapes and selling them as paperweights.</i> [Набоков, 2004, 228]</p>	<p>Он родился в бедной семье и охотно вспоминал, как между окончанием гимназии на юге и поступлением в Петербургский Университет зарабатывал на жизнь тем, что украшал морскими видами плоские, отшлифованные волнами, булыжники и продавал их как пресс-папье. [Набоков, 2004, 229]</p>	<p><i>Lenski had been born in poverty and liked to recall that between graduating from the Gymnasium of his native town, on the Black Sea, and being admitted to the University of St. Petersburg he had supported himself by ornamenting stones from the shingled shore with bright seascapes and selling them as paperweights.</i> [Naboko, v 1989, 72]</p>
--	---	--

Замена фразы *the Gymnasium of his native town, on the Black Sea* на *гимназии на юге*, во-первых, связана со сменой кода и узальными особенностями, а во-вторых, свидетельствует о желании автора адаптировать текст, подстроить его под нового адресата: русскому читателю слова «*на юге*» понятны однозначно и обозначают для него черноморское побережье, поэтому в русском тексте и опущено уточнение географического положения. В то же время в английской версии написать *in the South* В. В. Набоков, безусловно, не мог, так как «юг» в представлении американских читателей совсем не тот, что в представлении русских. Следовательно, писателю необходимо было пояснить, что речь идёт о берегах Чёрного моря. Представляется возможным говорить о том, что в данном случае в русскоязычном тексте к референтивной добавляется конативная функция, так как с югом у русского читате-

ля связаны ассоциации и представления об особой атмосфере, особой культуре тех мест. Таким образом, в связи с ориентацией на другого адресата и код в тексте автоперевода под воздействием фактора адресанта меняется набор языковых функций, что указывает на нечёткость границы между первичностью и вторичностью.

Для проанализированных нами текстов также характерны случаи проявления нечёткой границы, в которых в результате опущения фактической информации в тексте автоперевода утрачивается конативная функция. В частности, в английских версиях своего автобиографического романа В. В. Набокову приходится подробно комментировать те или иные особенности системы образования, а также традиции воспитания, принятые в дворянских семьях в России. В тексте автоперевода подобный комментарий В. В. Набоков опускает, что опять же свидетельствует о том, что в таких случаях помимо смены адресата и кода немаловажным оказывается и фактор адресанта, так как автор выходит за рамки сугубо переводческих решений и по собственному усмотрению опускает фактическую информацию, содержащуюся в оригинале.

Довольно часто адресант, наоборот, вводит в текст автоперевода новую информацию, преследуя при этом различные цели. В одних случаях такая информация является значимой для адресата, и без неё понимание текста было бы затруднительным. В других же случаях такого рода модификации вызваны желанием автора оказать дополнительное воздействие на читателей. Например, в тексте автобиографии довольно часто встречаются упоминания реалий, связанных не только с историей России, но и её общественно-политическим устройством. Очевидно, что в англоязычных текстах данные элементы культурно-исторического контекста требуют дополнительных пояснений для адресата, не знакомого с русской историей. В некоторых же случаях это, наоборот, приводит к тому, что в русском тексте появляются подробности и детали, предназначенные для русскоязычного получателя, что опять же свидетельствует о нечёткости границы между первичностью и вторичностью.

Так, интересный фрагмент связан с упоминанием постоянных нападок журналистов на партию кадетов, членом которой был отец В. В. Набокова.

<p>The reactionary press never ceased to attack my father's party, and I had got quite used to the more or less vulgar cartoons which appeared from time to time – my father and Miliukov handing over Saint Russia on a plate to World Jewry and that sort of thing. But one day, in the winter of 1911 I believe, the most powerful of the Rightist newspapers employed a shady journalist to concoct a scurrilous piece containing insinuations that my father could not let pass. Since the well-known rascality of the actual author of the article made him “non-duelable” (neduelesposobnyj, as the Russian dueling code had it), my father called out – “called upon” is really the correct term – the somewhat less disreputable editor of the paper in which the article had appeared. [Набоков 2004, 268]</p>	<p>Реакционная печать беспрестанно нападала на кадетов, и моя мать, с беспристрастностью ученого коллекционера, собирала в альбом образцы бесталанного русского карикатурного искусства (прямого исчадия немецкого). На них мой отец изображался с подчеркнута «барской» физиономией, с подстриженными «по-английски» усами, с бобриком, переходившим в плешь, с полными щеками, на одной из которых была родинка, и с «набоковскими» (в генетическом смысле) бровями, решительно идущими вверх от переносицы римского носа, но теряющими на полпути всякий след растительности. Помню одну карикатуру, на которой от него и от многозубого котоусого Милюкова благодарное Мировое Еврейство (нос и бриллианты) принимает блюдо с хлеб-солью – матушку Россию. Однажды (года точно не помню, вероятно 1911-й или 12-й) «Новое Время» заказало какому-то проходимцу оскорбительную для отца статью. Так как ее автор (некто Снесарев, если память мне не изменяет) был личностью недугеспособной, мой отец вызвал на дуэль редактора газеты, Алексея Суворина, человека вероятно несколько более приемлемого в этом смысле. [Набоков 2004, 269]</p>	<p>The reactionary press never ceased to attack my father's party, and I had got quite used to the more or less vulgar cartoons which appeared from time to time – my father and Milyukov handing over Saint Russia on a plate to World Jewry and that sort of thing. But one day, in the winter of 1911 I believe, the most powerful of the Rightist newspapers employed a shady journalist to concoct a scurrilous piece containing insinuations that my father could not let pass. Since the well-known rascality of the actual author of the article made him “non-duelable” (neduelesposobny, as the Russian dueling code had it), my father called out the somewhat less disreputable editor of the paper in which the article had appeared. [Nabokov 1989, 85]</p>
--	--	---

Примечательно в первую очередь то, как по-разному представлены определённые элементы культурно-исторического контекста в русской и английских версиях. В английских версиях В. В. Набоков обходится общими фразами о газете, журналисте и редакторе, поясняя при этом англоязычным читателям, незнакомым с русскими реалиями того времени, что издание было проправительственным и весьма влиятельным (*the most powerful of the Rightist newspapers employed a shady journalist*). В русскоязычной же версии мы видим не только название газеты (*Новое время*), но и имена непосредственных участников описываемых событий. Таким образом, если в англоязычных версиях реализуется референтивная функция, то в тексте автоперевода она дополняется конативной, то есть под влиянием адресанта и в связи со сменой адресата в тексте автоперевода меняется набор языковых функций. Помимо названий и фамилий, в русском тексте представлено более подробное описание карикатур, причём авторские комментарии могут быть понятны только русским читателям (*барская физиономия, хлеб-соль, нос и бриллианты*), а значит эти номинации также реализуют конативную функцию. В тексте автоперевода также представлено сочетание конативной функции с поэтической (эпитеты *бесталанное искусство, котопусый Миллюков*) и эмотивная функция (высказывание автора относительно русских и немецких газетных карикатур: *образцы бесталанного русского карикатурного искусства (прямо-го исчадья немецкого)*).

Уточнения и дополнения, ориентированные исключительно на русскоязычную аудиторию, В. В. Набоков вносит в текст автоперевода довольно часто.

<p><i>My brother and I went with him, late in 1910, to Germany, and after we came back in January of the following year, and began attending a day school in St. Petersburg, Lenski stayed on for about three years to help us with our home-work.</i> [Набоков 2004, 228]</p>	<p>Он с нами ездил в Германию в 1910-ом году, после чего поступил в Тенишевское Училище, а брат – в Первую Гимназию, и Ленский оставался помогать нам с уроками до 1913-го года. [Набоков 2004, 229]</p>	<p><i>My brother and I went with him, late in 1910, to Germany, and after we came back in January of the following year, and began going to school in St. Petersburg, Lenski stayed on for about three years to help us with our homework.</i> [Nabokov 1989, 72]</p>
--	---	---

Так, в приведённом выше фрагменте говоря о поступлении в школу (гимназию), В. В. Набоков в оригинале использует английское соответствие *day school*, которое, в противопоставление *boarding school*, предполагает, что ученики приходили на занятия днём и вечером возвращались домой, а не жили в школе в течение и недели или даже целого семестра. В тексте автоперевода В. В. Набоков опускает данное уточнение и вместо этого указывает названия учебных заведений, в которые они с братом поступили: *Тенишевское училище* и *Первая Гимназия*. Таким образом, если в английских фрагментах доминирующей остаётся референтивная функция (констатация факта), то в русском к ней добавляется конативная: названия учебных заведений упоминаются в расчёте на то, что адресату они известны (то есть читатели, по крайней мере читатели одного с автором социального статуса, поймут, о какого рода учебных заведениях идёт речь). В третьей версии, «Speak, Memory», автор, как и в оригинале, не использует конкретные названия учебных заведений, так как англоязычным читателям они ни о чём не скажут, однако при этом заменяет описательное выражение *boarding school* ещё более общим вариантом – *school*. Такую модификацию можно объяснить изменением коммуникативной ситуации и, в частности, фактором хронотопа: на момент создания последней версии мемуаров разделение на *day school* и *boarding school* уже не казалось автору настолько значительным.

Таким образом, наличие в тексте автоперевода первичных единиц, которые автор вводит в связи с ориентацией на нового адресата, и изменение набора реализующихся в тексте языковых функций свидетельствует об отсутствии чёткой границы между первичным и вторичным в такого рода случаях.

К прецедентам нечёткой границы между первичностью и вторичностью относятся также случаи, когда реализация конативной функции связана с появлением первичных элементов в тексте автоперевода, представляющих собой аллюзии и отсылки к русской литературе, а также цитаты, понятные только русским читателям. Подобные модификации текста вызваны сменой адресата, однако были бы недопустимы в ситуации перевода, что и позволяет говорить об отсутствии чёткой границы в подобных случаях. Автор в данном случае использует возможность установить контакт с адресатом, которая появляется благодаря общему историко-культурному фону. Таким образом, отсутствие культурного барьера даёт В. В. Набокову возможность вести свободный, ничем не ограниченный диалог с читателем.

Особенно часто такие отсылки связаны с творчеством и жизнью А. С. Пушкина. К примеру, в одной из глав В. В. Набоков упоминает няню поэта, Арину Родионовну:

<p><i>Nominally, the housekeeping was in the hands of her former nurse, at that time a bleary, incredibly wrinkled old woman (she was eighty when I was ten) with the face of a melancholy tortoise and shuffling feet. [Набоков 2004, 52]</i></p>	<p><i>Официально в экономках числилась Елена Борисовна, бывшая няня матери, древняя, очень низенького роста старушка, похожая на унылую черепаху, большеногая, малоголовая, с совершенно потухшим, мутно-карым взглядом и холодной, как забытое в кладовой яблочко, кожей. Про Бову она мне что-то не рассказывала, но и не пила, как пивала Арина Родионовна (кстати, взятая к Олинке Пушкиной с Суйды, неподалеку от нас). [Набоков 2004, 53]</i></p>	<p><i>Nominally, the housekeeping was in the hands of her former nurse, at that time a bleary, incredibly wrinkled old woman (born a slave around 1830) with the small face of a melancholy tortoise and big shuffling feet. [Nabokov 1989, 21]</i></p>
--	--	--

Если в оригинале реализуется только референтивная функция, то в тексте автоперевода представлена ещё и конативная, реализующаяся посредством упоминания Арины Родионовны, то есть апелляции к общим знаниям, к общему с адресатом культурному и литературному наследию: любой образованный человек в России знает про няню А. С. Пушкина. Отсылка к фольклорному герою – Бове Королевичу, также предназначена исключительно для русскоязычных читателей.

Таким образом, нечёткая граница в связи с реализацией конативной функции проявляется в рассмотренных нами текстах в двух вариантах: 1) в тексте автоперевода появляются первичные элементы, реализующие конативную функцию, которая отсутствует в тексте оригинала и тексте доработанной английской версии; 2) в результате производимых адресантом модификаций, вызванных сменой кода и адресата, в тексте автоперевода утрачивается конативная функция, представленная в англоязычных версиях. В текстах В. В. Набокова модификации, связанные с реализацией конативной функции, проявляются в опущении излишних пояснений культурологического характера, введении дополнительных элементов историко-культурного контекста, а также введении в текст аллюзий и отсылок к русской литературе. Примеры такого рода свидетельствуют о нечёткости границы между первичным и вторичным, так как, с одной стороны, подобные модификации в тексте не появились бы, если бы не произошла смена кода и адресата, а с другой – появление именно таких модификаций возможно только в ситуации автоперевода.

Список литературы

- [1] *Нестерова Н. М.* Вторичность как онтологическое свойство перевода: дисс. ... д-ра. филол. наук. Пермь, 2005. – 368 с.
- [2] *Швейцер А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
- [3] *Латышев Л. К.* Технология перевода. – М.: НВИ-Тезаурус, 2000. – 280 с.
- [4] *Кашкин В. Б.* Парадоксы границы в языке и коммуникации: монография. Серия «Аспекты языка и коммуникации». Выпуск 5 / В.Б. Кашкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Издатель О. Ю. Алейников, 2010. – 382 с.
- [5] *Егер Г.* Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 137–156.
- [6] *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
- [7] *Дымант Ю. А.* Первичность и вторичность текста автоперевода в свете функциональной модели Р.О. Якобсона // Вестник Московского Ун-та. Сер.: Теория перевода. – М.: Издательство Московского университета, 2016. №3. – С. 87–100.
- [8] *Набоков В. В.* Другие берега: Мемуары – Nabokov V. Conclusive Evidence: двуязычное издание. – М.: Захаров, 2004. – 448 с.
- [9] *Nabokov V.* Speak, Memory: an Autobiography Revisited. – N.Y.: Random House, Inc., 1989. – 142 p.